

Библиотека писательской артели «Литрос»

ВЕЛЕССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Материалы и исследования

Составитель Вячеслав ОТРЫЗКО

1444231

Москва
Литературная Россия
2011

СОДЕРЖАНИЕ

В начале было Слово

Татьяна КИСЕЛЁВА. Первооткрыватель вепсов.....	3
Галина БОГДАНОВА, Ирина ВИНУКUROVA. Хранитель и исследователь родного слова.....	8
Зинаида СТРОГАЛЬЩИКОВА. В период «коренизации»	30
Татьяна КОРСАКОВА. Евангелие от Нины.....	34
Анна ЛАНДМАН. Путешествие за вепским словом	38

Когда окликнет душу Слово (Обзоры вепской литературы)

Ирина СПИРИДОНОВА. Проблемы становления	41
Нина ЗАЙЦЕВА. В начале пути	71
Армас МИШИН. Родная земля – моя боль и моя сила	84
Игорь БРОДСКИЙ. Кто делает вепскую литературу.....	99
Николай ФОМИН. Пережитая боль.....	103

Мир Анатолия Петухова

Анатолий ПЕТУХОВ. Большая земля вепсов	108
Василий ОБОТУРОВ. Начинается строгая жизнь.....	126
Александр ТРАПЕЗНИКОВ. И однажды на праздник Крещенья вернусь.....	131
Олег МОШНИКОВ. Вологодские узоры.....	142
Владимир КУДРЯВЦЕВ. Эхо таёжного детства	151

Взгляд русского писателя

Глеб ГОРЫШИН. Гора и берег.....	170
---------------------------------	-----

След в жизни

Александр РОМАНОВ. Дом Сергина	219
Виктор ПУЛЬКИН. Доброе имя	223
Роберт ВИНОНЕН. К людям придёшь	230

Под тяжестью звёзд

Николай АБРАМОВ. Литература Белой Веси.....	235
Олег МОШНИКОВ. Сгореть и возродиться снова	239

Акмеизм в прозе

Марат ТАРАСОВ. Линии жизни	243
Сергей ШАРГУНОВ. Сердечный Мошников	245

Мы – один мир

Олег МОШНИКОВ. Замерзшие птицы.....	248
Антеро РАЕВУОРИ. По обе стороны границы	252

Анатолий ПЕТУХОВ

БОЛЬШАЯ ЗЕМЛЯ ВЕПСОВ

Древние летописи неоднократно упоминают среди прочих народов северо-запада России – весь. «Перьвии насельници в Новгороде Словене, в Полотьски Кривичи, в Ростове Меря, в Белеозере Весь, в Муроме Мурома», – говорится в «Повести временных лет». Некогда весь занимала довольно обширную территорию в районе Онежского озера, особенно к югу от него. С образованием единого централизованного Русского государства всеские земли вошли в состав Руси.

Долгое время считалось, что весь растворилась среди славян и бесследно исчезла. Сегодня, благодаря настойчивым исследованиям учёных, неоспоримо доказано, что прямыми потомками летописной веси являются вепсы, именуемые в ряде исторических источников чудью и известные в XIX веке под названием чухарей и кайванов.

Интерес к истории, культуре и языку вепсов не ослабевает, он находит реальное воплощение в трудах учёных, занимающихся изучением этой древней народности.

Немного истории

В давние времена, стремясь сохранить свою независимость и уберечься от набегов воинственных новгородских дружин, весь-вепсы обживали самые глухие места. Среди русского населения, живущего по соседству с вепсами, издревле существовало мнение: чудская сторонка – глушь лесная, непроходимая, болота да топи, озёра да горы. Удалённость от торговых путей, почтовых дорог и городов отмечалась всеми, кто когда-либо проникал в глубь территории, обжитой вепсами. В какой-то мере эта особенность сохранилась и до наших дней, наложив свой отпечаток на быт, культуру, обычаи, нравы и традиции вепсов.

Малозффективная подсечённая система, примитивные орудия труда – соха и мотыга, низкое плодородие почвы, дожди и ранние заморозки часто сводили на нет усилия земледельцев, и вепсы часто были вынуждены закупать хлеб.

На протяжении веков большим подспорьем для крестьянского двора служили рыболовство и собирательство. Каждый вепс – рыбак с детства. Рыба во всех видах, так же как солёные грибы, мочёная брусника, пареная репа, – каждодневное блюдо вепсского стола.

Лесные промыслы давали не только пищу, но и деньги. Шимозерский купец Мартьянов ежегодно заготавливал десятки тысяч рябчиков, тетеревов и глухарей, возами отправлял в Петербург пушнину, тоннами вывозил из Шимозерского края клюкву, солёные грузди и волнушки.

Вепсы, живущие в районах сплавных рек – Оять, Суда, Капша, в зимнее время заготавливали строевой лес и перевозили к сплавным путям. Работа в лесу была трудна, но давала сравнительно хорошие заработки.

Северные вепсы – каменотёсы в районе Шокши и Рыбреки – широко прославились с конца восемнадцатого века камнерезным промыслом на разработках красного песчаника (порфира) и диабазы. Шошкинский порфир использовался, в частности, при постройке Исаакиевского и Казанского соборов в Ленинграде, а из рыбо-рецкого диабазы сделана брусчатка Красной площади в Москве.

Наконец, большое место в хозяйственной деятельности вепсов занимали кустарные промыслы. Оятские гончары поставляли глиняную посуду в Карелию, Мурманск, Петербург, Финляндию. На ярмарки, весьма распространённые в последней четверти XIX века, – в Ошту, Александро-Свирский монастырь и в Паданы (на Ояти) – шимозерские вепсы доставляли валяную обувь, ярославичские – сёдла, тукшозерские – бондарные изделия. На ярмарки стекались торговцы из Петрозаводска, Олонца, Вытегры, Череповца, Весьёгонска, Новгорода и других мест.

Постоянное общение с русскими, несомненно, отразилось на образе жизни вепсов. Тем не менее до сего дня вепсы сохраняют в своём быту немало самобытного, национального. И основное, что отличает их от других народов, это, конечно, язык, один из древнейших языков прибалтийско-финских народов, его формирование относится ещё к первому тысячелетию новой эры. Надо сказать, вепсы никогда не были особенно религиозны. Обращённые в христианство миссионерами русской православной церкви, они приняли новую религию, но не отличались набожностью. В быту они сохранили множество верований, составляющих пережитки язычества. Духи – злые и добрые – обитают всюду: дома, в бане, в лесу, в воде. Чтобы не разгневать духов и не навлечь на себя беду, вепсы истари придерживались множества обычаев. Нельзя попросту поста-

вить дом, войти в него и начать в нём жить – для этого существует специальный обряд; нельзя ругаться на лес и на воду, иначе духи жестоко накажут.

К началу XX века вепсский край был дикой глушью. Бездорожье, бесхлебье и безграмотность делали жизнь крестьянина крайне тяжёлой.

Новь первых десятилетий

Если на рубеже веков географическая удалённость устраивала вепсов – подальше от властей легче дышалось, – то после Октябрьской революции она стала мешать экономическим и культурным связям вепсов с окружающими районами.

Как голодный к хлебу, вепсы потянулись к учению. Не то что дети – пожилые люди в зимнюю пору, когда посвободней, учились, каждому нужна стала книга, газета. И как ни бедна и обескровлена гражданской войной была Советская Россия, для вепсов открываются школы, избы-читальни. Строятся больницы. О снабжении населения хлебом, мануфактурой и другими товарами первой необходимости заботятся кооперативы.

Особенно большие изменения в вепсском крае произошли в тридцатые годы. На территории, обжитой вепсами, возникли национальные сельсоветы, в которых все депутаты избирались из числа вепсов. Таких сельсоветов было более двадцати. А в Приюстье даже был образован вепсский национальный район с центром в селе Андроновском.

Велась деятельная подготовка по созданию второго национального района с центром в Шимозере. Старожилы и теперь вспоминают, с какой радостью строило население здание райисполкома, больничного городка. Такой же городок вырос и на берегу реки Ивуды, между Куей и Пондалой в Шольском районе.

«В начале 1932 года при отделе национальных меньшинств Ленинградского облисполкома, – пишет М.И. Муллонен, – был образован Комитет нового алфавита, подчинявшийся Всесоюзному Центральному Комитету нового алфавита при Президиуме Совета Национальностей ЦИК Союза ССР. Этот комитет был призван разработать основания для развития письменности малых народов области на родных языках, готовить кадры из представителей малых народностей, проводить работу по ликвидации неграмотности, организовать издание учебной и другой литературы на языках малых народностей».

В Ленинградской области, где численность вепсов превысила 24 тысячи человек, было открыто 57 школ с числом учащихся более

3300 человек. За пять лет издательство «Кирья» и Ленинградское отделение Учпедгиза выпустили более 30 учебников и книг на вепском языке, в том числе был издан первый вепско-русский словарь.

В Лодейнопольском педагогическом техникуме открылось вепское отделение. Кадры советско-партийных работников из числа вепсов готовила Ленинградская областная школа национальных меньшинств.

О большой работе, проводимой в те годы, дают представление архивные документы.

Вот отчёт Шольского райисполкома (тогда Ленинградской, ныне Вологодской области) «О работе среди национальных меньшинств за 1932 г.»:

«1. Председатели, секретари и счетоводы сельсоветов – вепсы. В каждом сельсовете (имеется в виду Куйский и Пондальский. – **А.П.**), кроме того, по полтора месяца работали практиканты областной школы нацменов.

2. До коллективизации у крестьян были только деревянные сохи да бороны. Теперь колхозники полностью обеспечены плугами и железными боронами, молотилками, жатками. Коллективизация по Куйскому сельсовету 100 процентов, по Пондальскому – 85. По сравнению со всеми другими сельсоветами района эти идут впереди. Куйский сельсовет премирован трактором. По подписке на заём впереди также Куйский сельсовет. Летом из 14 колхозов в 13 работали столовые, а ясли во всех колхозах.

3. Школы: в Куе – 4, в Пондале – 1. Охвачено всеобучем: начальная школа – 242 человека из 260, ШКМ – 65 из 85».

Ещё документ:

«Соображения в отношении возможностей оказать помощь Куйскому и Пондальскому нацменским с/с:

1. Организовать МТС – в 1933 году.

2. Развить курсовую работу по подготовке из числа вепсов колхозных и советских кадров. При Куйской школе организовать кружок колхозных кадров. Организовать заочную учёбу.

3. Открыть общественные столовые в колхозах, ясли, очаги развития дела здравоохранения. Открыть Куйскую больницу и фельдшерский пункт в Пондале».

Февраль 1933 года:

«Просим прислать пять учителей, владеющих вепским языком, так как вепских школ открыто девять, а учителей есть только четыре» (из письма Шольского райсовета в нацменотдел Ленинградского облисполкома).

Август 1933 года:

«В Ленинграде открыты курсы по переподготовке председателей сельсоветов национальных меньшинств».

Всего национальных вепских сельсоветов было двадцать четыре, и в каждом из них проводилась аналогичная работа.

Разрастались, отстраивались деревни. И дома начали ставить настоящие – высокие, просторные, светлые, с русскими печками. Круглый год поддерживались в проезде состоянии дороги, соединяющие вепские поселения с административными центрами.

За ничтожно малый в жизни народа срок была в основном ликвидирована неграмотность. У вепсов появилась своя интеллигенция. Отмирали старые поверья, поколебалась, а местами вовсе пала власть колдунов. Росту национального самосознания способствовали создание национальных районов и сельсоветов и обучение детей в школах на родном языке. Характерно, что именно на тридцатые годы приходится самая высокая численность вепсов по официальным переписям – около 35 тысяч человек.

Взгляд сквозь полувековую давность

В 1938 году преподавание вепского языка было прекращено. Мотивировалось это тем, что мало учебников и не хватает преподавателей. При обучении детей возникали и объективные трудности: вепский алфавит был разработан на латинской основе. Вопрос о переводе вепской письменности на русский алфавит был поставлен лишь в 1936 году, но в связи с прекращением преподавания он так и остался нерешённым.

О правомерности и необходимости ликвидации вепских школ и отказа от преподавания на родном языке можно спорить. Но одно не вызывает сомнения: этот акт нанёс вепсам весьма ощутимый моральный удар. Вновь всплыло в сознании народа ещё не забытое ощущение собственной национальной ущербности и неполноценности. Вепсам стали внушать, что их язык беден, словарный запас его скуден и, кроме своих, вепских мест, он нигде не может пригодиться. Другое дело – русский язык. Он нужен везде, и не лучше ли, дескать, сосредоточить все усилия на изучении именно этого языка?

Кого-то убеждала такая логика, но для большинства эти доводы звучали неубедительно. Есть у вепсов пословица: свыше человеческих сил – забыть свою землю, свой язык и родную мать...

С созданием в 1937 году Вологодской области вепсы Шимозерской волости (Нажмозерский, Кривоозерский, Торозерский, Пяжозерский, Шимозерский и Пелкасский сельсоветы), а также вепсы

Куй и Пондалы – всего около восьми тысяч человек – были отрезаны межобластной границей от приоятских вепсов, оставшихся в составе Ленинградской области. Работа по созданию вепсского национального района с центром в Шимозере была прекращена.

Так с конца тридцатых годов начался новый период в жизни вепсского народа.

Сплошная грамотность молодёжи и людей среднего поколения, всеобщее знание вепсами русского языка послужили поводом для местных руководителей не видеть никакой разницы между вепсами и русскими. В руководстве хозяйственной деятельностью это, может быть, и было правильно, но в идеологической работе обернулось игнорированием национальных особенностей малочисленного народа. На собраниях, на совещаниях, митингах вепсский язык начинает понемногу вытесняться русским: «Товарищ из района не понимает по-вепски!..»

В послевоенный период, когда хозяйственный опыт многих поколений крестьян был предан забвению, об учёте местных особенностей, о национальном своеобразии потомков древней вепсы уже никто и не заикался. Особенно неблагоприятно сложилась судьба шимозерских вепсов.

Единственной артерией, идущей из глубин обжитой вепсами территории, была большая дорога от Шимозера до Ошты. В довоенное время она круглый год содержалась в проезжем состоянии. Её берегли, её ремонтировали, ею дорожили.

В годы войны она стала дорогой жизни для полутора тысяч эвакуированных ленинградцев, которых приняло под свой кров Шимозеро. По ней шли в наступление на захватчиков и наши воины (фронт находился под Оштой, всего лишь в полусотне километров от Шимозера).

Но в послевоенные годы большая дорога без ремонта и присмотра пришла в запустение. Жизненно важная для шимозерских вепсов артерия, по которой прежде подвозили продовольствие и товары первой необходимости, замирала на долгие месяцы в пору весеннего половодья и осенней распутицы.

В 1955 году Оштинский район был упразднён. Шимозеро и прилегающие к нему вепские сельсоветы оказались отдалённой окраиной Вытегорского района, отстоящей от центра более чем на сто километров. С этого момента и начался конец Шимозерского края.

Ещё в начале пятидесятых годов Вологодский обком партии рассматривал вопрос «О мерах помощи Оштинскому району».

Правда, это решение осталось на бумаге. Однако то, что намечал сделать обком партии в целях «оказания помощи Оштинскому

району», совершилось другим путём – жизнь заставила шимозерских вепсов искать выход из сложившегося положения.

Шаблон и администрирование в руководстве сельским хозяйством в послевоенные годы болезненно сказались на развитии вепсских (как, впрочем, у многих русских) колхозов, находящихся в сложных природных условиях. К началу пятидесятых годов урожай зерновых составлял здесь 3–4 центнера с гектара, годовой удой от коровы – 300–350 литров, заработок колхозника – 8–10 рублей в год в нынешнем масштабе цен. Следствием всего этого явилось уже не сезонное отходничество на побочные заработки, а уход из родных мест навсегда. В итоге из пяти с лишним тысяч человек в Шимозерском крае к 1954 году осталось менее полутора тысяч.

Первым ударил в набат кривозерский колхоз «Путь Октября». В середине августа 1958 года на общем собрании обсуждался вопрос: как жить дальше? Рабочей силы мало, связи с райцентром из-за бездорожья большую часть года нет, ни райком, ни райисполком положением колхозников и экономическим состоянием артели не интересуются, техники нет, постройки обветшали. Собрание вынесло решение: объединиться с сельхозартелью имени Ленина... Винницкого района Ленинградской области. 6 сентября 1958 года вопрос о слиянии обсуждала «вторая сторона». Общее мнение выразил бригадир Мокеев:

– С вологодским колхозом надо объединиться, потому что у нас тоже работать некому и жить стало невмоготу. Может, вместе-то чего и получится...

Переселение Кривозера напоминало ещё не забытые картины эвакуации в годы войны: мычали коровы, плакали дети, угрюмо молчали старики. Вслед за Кривозером опустели Торозеро и Нажмозеро. Среди озёр и сосновых боров остались пустые, покинутые людьми деревни.

Переселение вепсов всколыхнуло всё Шимозерье. Не местный патриотизм, а трезвый расчёт, опыт поколений, вся жизнь после Октября вплоть до Отечественной войны свидетельствовали о том, что в этом краю люди могут жить безбедно. Нужно только удержаться, выстоять, пережить трудное время. И как дерево, у которого подрублены корни и уже засыхает крона, борется за продолжение своей жизни, давая молодые побеги, так и Шимозеро вдруг ожило. Напористой работали люди, усерднее обрабатывали землю, обновляли хозяйственные постройки. В том, 1958 году вепсам Шимозера как никогда требовалась помощь. Люди ждали её от районного и областного руководства, пробовали сво-

ими силами ремонтировать большую дорогу, от которой зависела вся их жизнь.

Но помощь не пришла. «Опыт» Кривозера, Торозера и Нажмозера лишь воодушевил районные власти. Если три сельсовета уже переселились, то почему бы не переселиться и Шимозеру вместе с Пелкасской? Конечно, не в Ленинградскую область, а внутри района, скажем, в Ошту, Водлицу или Мегру.

И невдомёк им было, что вепсы Шимозерского края объединились с вепсами же, но живущими за областной границей. Невдомёк было, что, кроме экономических интересов, есть ещё и национальные, что в слиянии вепских колхозов разных областей выразилось стремление маленького народа противостоять слишком быстрому рассасыванию, исчезновению.

С ликвидацией Шимозера восточные вепсы Пондалы, а также Пяжозера оказались в островном положении, ибо все связи вологодских вепсов между собой осуществлялись раньше именно через Шимозеро. И без того большая административная разобщённость ещё более углубилась. Возникла реальная угроза исчезновения и этих вепских поселений.

С упразднением Оштинского и Шольского районов Пяжозеро (колхоз «Волна») и Пондала (колхоз «Мир») оказались экономически слабым придатком Бабаевского района. Отношение к этим окраинным хозяйствам в шестидесятые годы довольно откровенно высказал бывший секретарь райкома партии по идеологии А.П. Кресцов:

– «Мир» и «Волна» только сводки портят. По всем показателям отстающие. А дорогу требуют. Но зачем строить туда дороги, если вывозить нечего? Вот если бы переселить их куда-нибудь поближе, а там сделать отгонные пастбища, тогда бы, может, толк был.

Напоминание о том, что Пяжозеро и Пондала населены другой народностью, что сселение – вопрос не только экономики, но и взаимоотношений с вепсами, вызвало лишь снисходительную улыбку у секретаря:

– А мы их не считаем другой народностью. Все они умеют говорить по-русски...

Как тут не вспомнить первое послереволюционное двадцатилетие, когда губернские и уездные власти так заботливо и внимательно относились к развитию экономики и культуры вепсов той же Пондалы! Невероятно, но факт: на смену прежнему доброму отношению к малочисленной народности пришёл примитивно-деляческий подход, при котором счёт пошёл лишь на тонны товарной продукции – мяса, молока, хлеба, а всё внимание направлялось туда, откуда «есть что вывозить»!..

Но привязанность к земле предков и надежда на перемены к лучшему всё-таки взяли верх: несмотря на желание руководителей Бабаевского района в шестидесятые годы переселить вепсов «куда-нибудь поближе» и сделать на опустевшей территории бывших колхозов отгонные пастбища, вепсы Пяжозера, Куи и Пондалы не тронулись с места: как могли, переживали бездорожье, вели общественное хозяйство, торговали лесом, чтобы свести концы с концами. И удержались.

Остались в прошлом волевые решения и нелепые эксперименты с кукурузой на Севере и распахиванием клеверов, с содержанием телят в сорокаградусные морозы под открытым небом и свиней на подножном корму в летних лагерях; однозначно осуждена длившаяся долгие годы практика выкорчёвывания крестьянства и неперспективных деревень. Однако этого оказалось мало, чтобы деревня поднялась и окрепла.

Вепские хозяйства в Бабаевском районе – колхозы «Волна» (Пяжозеро) и «Мир» (Куя и Пондала) – сравнительно мелкие даже для северо-западного Нечерноземья. В 19 деревнях проживает всего 550 человек, из них работают в колхозах 188. На одного работающего в сельскохозяйственном производстве приходится чуть больше 6 га пашни, 7,5 га лугов, менее 5 голов крупного рогатого скота, но зато почти 100 га лесов. Колхозы в достатке имеют необходимый набор техники – тракторы, прицепные орудия, комбайны, автомашины, и поэтому совершенно очевидно, что нагрузка на одного работающего ничтожно мала. Тем не менее и при этой нагрузке колхозы, особенно «Мир», едва справляются с объёмом сельскохозяйственных работ.

Всё дело в том, что колхозное производство так и не стало для сельского жителя своим. При коллективизации крестьяне надеялись, что получают землю в вечное и полное коллективное владение, но на протяжении всех последующих десятилетий всё больше и больше убеждались, что это уже не их земля, что они лишены права распоряжаться ею и свободно организовывать на ней свой труд.

Вепсы по природе своей сугубо сельские жители. Отчуждение от земли настолько деформировало их психологию, что «колхозное» стало тождественно абстрактному понятию – «ничьё». А за этим уже последовал физический отрыв вепского крестьянина от клочка родной земли с неизменным озерком или речкой под окнами дома, переезд его в город или рабочий посёлок, что равнозначно утрате этнической принадлежности.

Сегодня в сердце вепсов слабой искоркой вновь затеплилась

надежда на возврат к родным берегам в опустевшие и поредевшие деревеньки. Эта надежда связана с крутым поворотом России к Человеку труда. Теперь-то уж крестьянин получит, наконец, землю в полное своё владение. Но поверит ли он, что это действительно его земля? Навсегда. На много поколений. Если поверит, будущее благополучие вепсов на Вологодчине не вызывает у меня никаких сомнений.

Конец Шимозерья

Опустевший Шимозерский край впервые после переселения вепсов я посетил летом 1967 года. Удручающая картина предстала моим глазам. В деревнях буйно разрослась крапива. В избах с выбитыми стёклами и сорванными дверями – следы самодельности туристов и пастухов – гулял ветер; на потолках возле матиц свили гнёзда ласточки. Отдельные дома были разрушены полностью, и среди развалин виднелись остатки самодельной крестьянской мебели, битая деревянная и глиняная посуда, смятые берестяные тусы, коробка, кошелы, ломаные кросна для домашнего ткачества, раздавленные самовары, утюги, ухваты.

Совсем близко подступают к деревням сосновые боры и тенистые ельники, но свежести нет. В воздухе терпкий запах навоза. Навоз везде: в малинниках, которые успели вырасти возле домов, в колодцах, на подоконниках, на широких лавках вдоль стен. В избах, которые покрепче, он покрывал полы толстым слоем: здесь скот спасался от зноя и оводов.

Сытые, с лоснящейся шерстью бычки и тёлки (их стали пригонять сюда, за сотню километров, на откорм) расположились на берегу озера в тени берёзовой рощи, а пастухи, вооружившись топором, пилой и крепкой жердью, в это время разваливали в деревне очередной дом: заготавливали дрова. Эти же пастухи подожгли деревню Пустошу. На месте изб остались штабеля кирпича: как мне сказали, осенью пастухи увезут кирпич на тракторных санях и где-нибудь в Оште или под Вытегрой пропьют.

Вдоль просёлка – столбы телефонной связи. На них висели обрывки проводов, а в провалах окон полуразрушенных корпусов больничного городка сверкали белизной стены. И казалось, что изнутри всё ещё тянет то ли хлоркой, то ли йодом.

А на холмах, по берегам озёр – деревни, деревни, деревни... Десятки деревень, иные по сотне дворов...

Тогда в Шимозере я встретил одного из старожилов, убелённого сединой деда Тимофея Афонькина, одиноко доживающего свою жизнь в деревне Киви-немь.

– Бывало, выйдешь на берег озера, – вспоминал он, – кругом люди. В одной нашей деревне триста лишним душ было. На озере – лодки. На пожнях платки белеют, топоры в лесу стучат. Ржут лошади, коровы колоколами бренчат, пастухи по своим доскам-барабанкам поколачивают, будто дятлы весной, через озеро между собой перекликаются. А парни какие были, а девки!.. Ничего не осталось. Только лес, вода и небо, как сотворил их бог, прежние... Что им делается?

Истосковавшийся по человеку, понимающему его родной язык, дед Тимофей говорил много и горячо.

– Лучше, красивее нашего края нигде нет. Даром что все деревни, все берега и боры скотина испоганила, всё равно каждый год приезжают сюда туристы – из Москвы, из Ленинграда, даже с юга. Отдыхать приезжают, рыбачить. Домики из материи ставят, в них и живут. Первые дни ловят по-человечески – рыбы-то в озёрах полно! А потом и удочку держать лень, пакостить начинают. Ленинградские тут стояли. Ничего не скажу, по-хорошему ловили, а те, что теперь приехали, – срам один! Надо плот сколотить – раскатят дом, и шабаш. А то сети воруют, рыбу взрывчаткой глушат. И ничего с ними не сделаешь, никакой управы на них не найдёшь!..

Я уходил по заросшему ольхой просёлку, а на высоком берегу озера одиноко стоял седой, согнутый годами и нелёгкой судьбой старик, последний вепс Шимозера, живой памятник древней веси.

А справа и слева от дороги – бывшие поля. В знойном воздухе пахло гарью. Я поднялся на пригорок. На холме опять полыхали пламенем дома – горела ещё одна деревня. Конечно, разобрать бесхозные постройки на кирпич – дело прибыльное. Да и для скота безопаснее: не надо будет бояться, что какая-нибудь упавшая сверху тесина или бревно ушибут ненароком тёлку или бычка. За бычка пастухам придётся отвечать, а за сожжённые деревни никто не спросит: закон не предусматривает гарантию сохранности домов, оставленных без присмотра...

Побывал я в Гимреке и в Щелейках – сёлах Ленинградской области, куда переселилось немало шимозерских вепсов. Разговаривал с последним председателем колхоза «Нацмен» Михаилом Матвеевичем Трофимовым, в своё время вложившим немало сил и энергии в то, чтобы Шимозеро устояло, удержалось.

– Нелегко было привыкать, – признался Трофимов, и его широкое доброе лицо стало печальным. – Материально первые годы жили и здесь не лучше, и всех мучила тоска по покинутой родной стороне. Шимозеро я видел во сне каждую ночь. Всё рыбалка снилась. Наверное, потому, что я большой любитель её, а когда председате-

лем работал, некогда было и с удочкой посидеть... Потом, конечно, жизнь здесь улучшилась, но ведь и в Шимозере, если б не пришлось уехать, можно было бы поднять колхозы, если бы дорогу помогли нам тогда сделать... Да что вспоминать!.. – он махнул рукой и замолчал.

Невесёлыми были встречи и с другими вепсами Шимозера. Да, зажили они на новых местах в достатке. Но поистине – не хлебом единым жив человек! С кем бы я ни говорил в ту пору, все душой и сердцем были там, где на берегах озёр остались отчие дома, поля и пожни, за столетия отвоёванные у леса, могилы отцов, дедов и прадедов.

И в том, 1967 году каждый вепс Шимозера как самую дорогую мечту ещё хранил в сердце своём надежду на возрождение отчего края.

Изменилось ли что в Шимозере за минувшие с тех пор годы? Ужели так и пустует, пропадает без пользы этот большой кусок земли на Вепсовской возвышенности? Ведь нельзя же всерьёз считать выпас двух сотен телят использованием «по назначению» той земли, которая когда-то кормила более пяти тысяч первопоселенцев? А может, всё-таки началось возрождение этого удивительно живописного края? Что случилось с обезлюдевшими деревнями и с теми стариками, которые отказались, не смогли покинуть землю своих предков?

Ушёл на вечный покой старейший вепс Тимофей Афонькин, умерли или увезены родственниками и другие старики. Многие деревни вообще исчезли с лица земли, а сохранившиеся являют собой жалкий вид. На зарастающих полях и лугах по-прежнему летом пасётся стадо бычков и тёлочек, хотя и не такое многочисленное, как в первые годы.

Правда, само озеро с километровой прибрежной полосой и Чёрной Ямой – карстовой воронкой, имеющей выход в подземную реку, решением Вологодского облисполкома от 31 октября 1983 года выделено в государственный гидрологический заказник. Но поскольку охрана заказника не обеспечена, «дикие» туристы, наезжающие сюда каждое лето, а также отпускники – рыбаки и охотники – творят здесь всё, что угодно, безудержно браконьерствуют.

Но самые главные перемены не эти.

Почти сразу же после переселения шимозерских колхозников с трёх сторон потянулись к Шимозеру, как щупальца гигантского спрута, дороги (вспомним: Шимозеро погубило бездорожье и чиновничье равнодушие к судьбе народа). Прекрасные гравийные дороги! Сегодня они уже достигли самых глубинных уголков Шимозерья.

Они понадобились для того, чтобы вырубить под корень девственные леса Вепсовской возвышенности, так как сплавных рек там нет.

Многие миллионы рублей вложены в дорожное строительство. Говорят, лес сторицей возместит эти грандиозные затраты. Но Шимозерье – озёрный край, вторая Карелия: на покинутой вепсами территории насчитывается более трёхсот чистейших озёр, никогда не знавших ни химии, ни сточных вод! Лучшие леса находятся на межозёрных увалах и по береговым кряжам. Вопреки существующим правилам и законам лесоэксплуатации хвойные леса вырубаются подчистую, доводы – ни о каких водоохраных зонах и защитных полосах никто здесь будто и не слышал! Были озёра дивной красоты, окаймлённые вековыми борами, теперь же они предстают взору жалкими лужами среди пустынных захламлённых лесосек, по которым ни пройти, ни проехать. И нет никакой надежды, что хотя бы какая-то часть уникальных лесов избежит опустошительного нашествия лесозаготовителей: чтобы с максимальной прибылью окупить затраты на строительство дорог, они возьмут всё красное дерево до последнего ствола. Возьмут, а потом уйдут, бросив и эти дороги, и отработанные лесосеки, а точнее говоря, изуродованную землю.

У вепсов Приютья

Основным районом расселения вепсов на территории нынешней Ленинградской области с незапамятных времён были обширные пространства в бассейне верхнего и среднего течения реки Ояти, притока Свири. Именно сюда устремлялись первые исследователи этой народности – русские и финские учёные. Крупнейшие поселения здесь – Озера, Ладва, Пелдуши, Ярославичи.

Пелдушские крестьяне-вепсы на себе испытали помещичью крепость и вплоть до 1905 года платили казне «выкуп за волю», а озерские, ярославичские и ладвинские вепсы пережили в последней четверти прошлого века натиск капиталистов-лесопромышленников.

«...Со всех сторон надвигается на него (вепса. – **А.П.**) промышленная, ловкая, удалая Новгородчина! Пройдёт десятка два лет, и от стародавней Веси останутся лишь одни намёки... Топор и невод, лесопромышленник и рыбопромышленник – вот орудия и деятели обрусения на красивой, исконно чудской реке Ояти» – так писал В.Майнов о судьбе приюятских вепсов сто с лишним лет назад.

А.И. Колмогоров, путешествовавший по Ояти в 1905 году, застал вепсов в ещё более бедственном положении. Постоянные недороды, ничтожно малые надель, безлошадность, запрещение зани-

маться рыболовством на озёрах – всё это так согнуло вепсов, что учёный пришёл к выводу о неизбежном близком конце этой народности, по словам учёного, доживающей в «беспросветной нужде и невежестве свои последние дни»...

Предсказания о близком конце приоятских вепсов не сбылись: и, прежде всего, благодаря тому, что в 20-е годы в Приоятье был создан вепсский национальный район – Винницкий – с центром в селе Андроновском. Но и приоятских вепсов не обошла стороной та чёрная полоса, когда забота о развитии малых народностей сменилась ультраделовым, чисто «хозяйственным» подходом. И здесь тоже закрывались вепсские школы, постепенно смолкла на собраниях и заседаниях вепсская речь. И здесь, как и в Шимозере, после войны было то же бездорожье, бескормье, безлюдье. И здесь после упразднения Винницкого района возникали мнения о необходимости переселить вепсские сёла. Но надвигающуюся беду помог отвести... ладожский лосось.

В комплексе мероприятий, направленных на восстановление запасов этой ценной рыбы, был, в частности, запрет на сплав леса по Ояти, дабы сплав не мешал нерестовому ходу лосося. Правда, запрет этот, в общем-то, остался на бумаге – молевой сплав полностью прекращён так и не был, и сегодня по Ояти по-прежнему бесконечным потоком плывут брёвна...

Но тем не менее именно вследствие того запрета в Приоятье в 60-е годы оживилось дорожное строительство.

За последние двадцать пять лет я не раз бывал в большинстве вепсских поселений региона, и проблема видится мне очень чётко. Стремительно разрушается среда обитания: опустели многие десятки деревень, которые упоминаются ещё в Писцовых книгах Обонежской пятины 1496 года; зарастают кустарником и чернолесьем поля, возделанные нелёгким трудом многих поколений вепсов, тысячи гектаров вековых лесов варварски уничтожены и продолжают уничтожаться лесозаготовителями, десятки чистейших, богатых рыбой озёр превращены в лужи среди захламлённых вырубок, обмелели и погублены сплавом верховья рек.

Сельское хозяйство почти повсеместно в регионе ведётся без учёта природных и национальных особенностей, умирают народные промыслы и традиционные ремёсла народа. Население не имеет элементарных условий для нормальной жизни: нет дорог, телефонной связи, торговое, медицинское и культурно-бытовое обслуживание неудовлетворительно.

Исчезает язык и фольклор – главное культурное богатство вепсов. В редких молодых семьях первые слова дети произносят на

родном языке. Низкий уровень общей культуры, полная неосведомлённость о прошлом и настоящем вепсской народности, незнание истории и непонимание значения уникального вепсского языка толкают родителей на обучение ребёнка прежде всего русскому языку, и этим тормозится интеллектуальное развитие молодёжи.

Такова в самой сжатой форме суть вепсской проблемы сегодня.

Вепсы Приоятья – жизнерадостный, крепкий, здоровый народ, они гостеприимны, общительны и добродушны. Но стоит завести разговор о том, как им рисуется будущее своего народа, разом сникают.

Вопрос развития маленькой народности сложен. Процесс её ассимиляции крупной нацией, в окружении которой она живёт, исторически неизбежен. И, наверное, настанет время, когда вепсы полностью растворятся среди других народов Союза, особенно среди русских, а вепсский язык будут помнить лишь единицы. Вряд ли есть смысл искусственно замедлять неотвратимый процесс ассимиляции, но и подстёгивать его едва ли правомерно и исторически справедливо.

Мощным ускорителем ассимиляции вепсов и тормозом развития их самобытной культуры является, на мой взгляд, отсутствие административно-территориальной самостоятельности. Если бы в двадцатые-тридцатые годы был образован национальный округ (например, в составе той же Ленинградской области), объединяющий всю территорию, населённую вепсами, можно с уверенностью сказать, что современное состояние этой народности было бы куда лучше.

Ссылки на территориальную разбросанность вепсов и высокий процент русских на этой территории, из-за чего якобы не был создан округ, представляются по меньшей мере несерьёзными. Лишь между северными и средними вепсами есть единственное крупное русское поселение – Вознесенье, в котором, кстати, в послевоенные годы осело много вепсов, вся же остальная территория едина с редкими вкраплениями среди сотен вепсских деревень отдельных русских поселений. С другой стороны, ни одну народность невозможно выделить территориально в абсолютно чистом виде, и в настоящее время доля русских превышает половину населения в пяти из шестнадцати автономных республик, в четырёх из пяти автономных областей и в восьми из десяти автономных округов Российской Федерации.

Определённые трудности при создании национального округа в двадцатые годы могли бы возникнуть лишь из-за недостатка своих,

вепских, кадров служащих и специалистов, но в середине тридцатых годов и особенно в послевоенный период этот вопрос не представлял бы затруднений...

В результате после неоднократного в послевоенные годы изменения административных границ вепсы оказались сегодня на самых отдалённых окраинах Бабаевского и Вытегорского районов Вологодской области, Бокситогорского, Тихвинского и Подпорожского районов Ленинградской области, а северные вепсы – на юге Карелии. Единая этническая группа разобщена межобластными границами, части её практически лишены взаимного общения и связей. Такое искусственное разобщение ничем не оправдано. Между тем, повторяю, фактически все вепсы живут по соседству, бок о бок друг с другом, занимая общую территорию около восьми тысяч квадратных километров.

Взгляд в будущее

За годы советской власти многие ранее отсталые народы Российской Федерации сложились в нации. Некоторые теоретики на этом основании стали считать, что у нас автоматически отпали все и всякие национальные проблемы. Даже такой сложный вопрос, как эволюция малой народности, решался подчас в нашей литературе удивительно просто. Высказывалось, например, мнение, что любая социалистическая народность, если она насчитывает более тысячи человек, в перспективе преобразуется в нацию. Что же касается народностей, насчитывающих менее тысячи человек, они в процессе экономического и культурного общения с другими нациями усваивают их язык и культуру и без всякого принуждения постепенно сливаются с ними.

Позднее на смену примитивному представлению о перерастании «тысячных» народностей в самостоятельные нации в литературу пришли иные, в сущности, противоположные взгляды о возникновении в нашей стране «сверхнации».

«...Происходящие сейчас в СССР процессы сближения и культурного взаимообогащения наций ставят перед этнографией задачу осмысления новой категории – как бы «сверхнации» – нового, доселе неизвестного человечеству этнического образования, новой исторической общности».

Кому как, но мне видится весьма жалким этот представитель «сверхнации», выходец из вепсов, башкир, саамов или некто другой, с горем пополам или вовсе не владеющий родным языком, не знающий ни истории, ни культуры породившего его народа. В.И. Ленин писал: «...ничто так не задерживает развития и упро-

ценности пролетарской классовой солидарности, как национальная несправедливость, и ни к чему так не чутки «обиженные» националы, как к чувству равенства и к нарушению этого равенства, хотя бы даже по небрежности, хотя бы даже в виде шутки, к нарушению этого равенства своими товарищами пролетариями. Вот почему в данном случае лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить».

В нашей стране, кроме вепсов, насчитывается около ста малых народов, не имеющих административной самостоятельности, но сохраняющих свои национальные особенности, свой язык. И чем больше будет проявлено к ним чуткости и заботы, чем бережнее станут относиться представители больших наций к национальным чувствам и самобытной культуре даже самого маленького народа, тем полнее проявятся все преимущества нашей национальной политики.

Возможное выделение заселённой вепсами территории в единый административный район имеет первостепенное значение для решения всех современных проблем развития этой народности, а также для рационального использования богатых природных ресурсов края.

Оно позволит также сохранить и поднять на новую ступень самобытную национальную культуру вепсов, укрепит их самосознание и чувство собственной национальной полноценности, обеспечит свободное развитие народа при органическом сочетании его национальных и интернациональных интересов.

Создание самостоятельного района с предоставлением некоторых льгот и преимуществ, разумеется, временных, позволило бы в сравнительно короткий срок всесторонне освоить (и сохранить!) этот луговой, лесной и озёрный край. Строительство дорог повлечёт за собой интенсивное развитие сельского хозяйства, местной промышленности, возрождение подсобных промыслов, которыми в прошлом вепсы были широко известны в соседних губерниях и даже за границей. Дело специалистов – изучить природные и экономические особенности вепсского края и на основе этого изучения разработать комплекс мероприятий, которые бы гармонично сочетались с национальными и общегосударственными интересами.

Мне верится, что в вепсском регионе всё-таки возродятся опустевшие деревни, возникнут крепкие фермерские хозяйства, вторую жизнь получат традиционные кустарные ремёсла и на новый уровень поднимется вепсская культура. Условия для этого создаются – я имею в виду разрабатываемые новые законы Рос-

сии о земле, о крестьянском хозяйстве, о предприятии и предпринимательской деятельности и другие, которые призваны развязать наконец народную инициативу, обеспечить любому гражданину Отечества право свободно и творчески трудиться на своей земле не ради высоких умозрительных идей, а во имя блага самого человека.

г. ВОЛОГДА

1991 год

Анатолий Васильевич Петухов родился 2 ноября 1934 года в Вологодской области в вепском селе Шимозеро в семье сельского учителя. В 1953 году окончил Белозерское педучилище. Одно время работал журналистом в Сибири. Первую книгу «Лешак» выпустил в 1966 году. С 1990 по 1993 год был народным депутатом России.